

**У истоков формирования Бородинского музея
в 30-60-е годы XIX в.**

В современной отечественной историографии все более пристальное внимание приобретает вопрос об изучении истории музейного дела в России. Особое место в научной литературе принадлежит теме становления и формирования Бородинского музея-заповедника¹. Осуществляются первые попытки выяснения обстоятельств образования на Бородинском поле мемориального комплекса, его исторических памятников и сооружений, организации работ по их эксплуатации, обслуживанию и управлению. Непременным условием реализации подобной тематики является создание информационной базы данных и ее пополнение новыми источниками, извлеченными из архивов федерального и регионального уровней.

В основу статьи положены архивные материалы, впервые вводимые в научный оборот и связанные с истоками формирования Бородинского мемориала в 30—60-е годы XIX в. Это — разнообразные рапорта, доношения, докладные реестры, предписания, отношения, купчие и т. п. Документы извлечены из фондов Можайского уездного суда и Строительного отдела Московского губернского правления, хранящиеся в ЦИАМ (Ф. 99, 54). Указанные источники в значительной мере дополняют и уточняют приводимые в специальной литературе сведения по истории Бородинского музея в начальный период его формирования.

Предыстория музеефикации Бородинского поля неразрывно связана с именами российских императоров Александра I и Николая I. Именно им принадлежит инициатива по выкупу частновладельческих земель на этом историческом месте с последующей перспективой превращения его в памятник героям Отечественной войны 1812 года. Известно, что спустя пять лет после войны была предпринята попытка приобрести в собственность императорской фамилии село Бородино с двумя деревнями Горки и Семеновское, у помещицы А. В. Бегичевой. Но условия сделки не удовлетворяли обе стороны, и имение в 1830 г. было продано жене чиновника 9-го класса Е.Ф. Воейковойⁱⁱ.

В связи с приближающейся годовщиной 25-летия Отечественной войны 1812 года, по инициативе императора Николая I, уже в начале 1830-х годов развернулась подготовка к юбилейной дате. На Бородинском поле было решено возвести главный монумент в память героическим событиям 1812 года. В этой связи вновь возник вопрос об отчуждении во владение императорской фамилии бородинского имения Е.Ф. Воейковой, которое находилось в эпицентре боевых действий двух армий 26 августа 1812 г. По этому сюжету в литературе приводится довольно краткая характеристика документов, извлеченных из РГИАⁱⁱⁱ.

В фонде Можайского уездного суда нам удалось обнаружить дело под названием «О вводе во владение его императорского высочества государя наследника цесаревича великого князя Александра Николаевича в купленное у чиновницы 9-го класса Елизаветы Воейковой недвижимого имения, состоящего Московского уезда в селе Бородино, деревни Горках и Семеновского»^{iv}. Документы позволяют конкретно представить весь процесс отказа имения наследнику престола. В соответствии с решением императора Николая I от 26 августа 1837 г. Бородинское имение покупалось в дар цесаревичу Александру. Акт продажи был совершен 18 октября 1837 г. во 2-м департаменте Московской палаты гражданского суда. Приобретенное владение относилось к разряду крупных имений. По данным VIII (1834 г.) ревизии в нем насчитывалось 110 душ мужского пола, в том числе в селе Бородино 52 души, в деревнях Горки — 23 и Семеновское — 35 душ мужского пола. По условию договора семь дворовых людей и крестьян «без земли и без раздробления семейств» остались за прежней помещицей Е.Ф. Воейковой и переселялись в ее калужское имение в селе Висляево. Итак, в собственность цесаревича Александра переходило владение, в котором числилось 103, в том числе в селе Бородино — 49, в деревне Горки — 22 и в деревне Семеновское — 32 души мужского пола «с их женами, вдовами, девками и рожденными после 8 ревизии обоюбого пола детьми». В купчей приводится один примечательный факт, свидетельствующий о благотворительности и милосердии Е.Ф. Воейковой. Перечисляя продаваемые пашни и угодья, она особо оговаривает участок

земли, «отданной, мною, Воейковою, в дар генерал-майорше Тучковой от означенных селений одной десятины земли, на которую имеет быть выдан от меня ей, госпоже Тучковой, надлежащий акт»^v. В общей сложности в продажу поступило 744 дес. 140 кв. саж. земли, а все имение было оценено в 150 тыс. руб. ассигнациями. Учитывая значимость совершенной сделки, свидетелями при ее регистрации были сенаторы А. А. Башилов, С.Н.Озеров, Ф.В.Миллер, С.П.Лихарев.

В соответствии с российским законодательством, новый землевладелец должен был пройти процедуру ввода во владение землей по месту ее расположения. В этой связи Московская удельная контора Министерства императорского двора в своем отношении в Можайский уездный суд от 19 октября 1837 г. просила ускорить явочную регистрацию подлинной купчей на бородинское имение и вернуть ее в контору («просит по учинении надлежащей по сей купчей явки, не замедлить выслать оную обратно в сию контору»)^{vi}. 23 октября 1837 г. Московская удельная контора в оперативном порядке командировывает титулярного советника П. А. Канарского «для принятия в распоряжение удельного ведомства купленного у чиновницы... Воейковой на имя... наследника цесаревича великого князя Александра Николаевича недвижимого имения, состоящего в Можайском уезде в селе Бородине с деревнями». Одновременно Московская удельная контора просит Можайский уездный суд «учинить... распоряжение о вводе законным порядком во владение показанным имением г. Канарского, как лицо уполномоченное от удельного начальства»^{vii}. По распоряжению Можайского уездного суда от 25 октября 1837 г., непосредственно ввод во владение бородинским имением осуществлял можайский земский исправник А. М. Астафьев. 26 октября того же года дворовые люди и крестьяне села Бородино и деревень Горки и Семеновское дали подписки «о бытии в повиновении и послушании у г. Канарского и другого начальства». В подписке приводится полный перечень взрослых дворовых людей (6 человек) и крестьян-домохозяев (25 человек). Документ от имени всех жителей владения подписал грамотный дворовый служащий Михаил Семенов. Одновременно П.А. Канарский дал свою подписку о том, что бородинское имение «в свое заведение принял»^{viii}.

В августе 1839г. в связи с 25-летием Отечественной войны 1812 года в селе Бородино состоялись торжественные мероприятия с парадом войск, открытием главного монумента в честь героев Бородинской битвы, перезахоронением останков генерала П. И. Багратиона. Начинается новый этап в музеефикации Бородинского поля как одного из важнейших исторических памятников Отечественной войны 1812 года. Здесь происходит формирование первого в мире естественного музея под открытым небом^{ix}.

Об этом периоде функционирования музея свидетельствует малоисследованный комплекс документов, отложившийся в Строительном отделе Московского губернского правления (Предписания, отношения и др.)^x

Судя по архивным материалам, по инициативе Николая I разрабатывается целый комплекс мер, связанных с определением круга управленческих служб и их функциональных обязанностей. Эти решения были призваны обеспечивать сохранность формирующегося музейного объекта на Бородинском поле. Содержание указанных мероприятий достаточно подробно изложены в отношении военного министра Комитету 18 августа 1814 г. (так называемый Александровский комитет о раненых) от 1 апреля 1839 г. Выясняется, что Николаем I был утвержден доклад министра финансов Е.Ф. Канкринина о передаче общего руководства над Бородинским памятником и построенном при нем домике для инвалидов Александровскому комитету о раненых. Для осуществления «надзора за порядком и чистотою» главного монумента назначались два смотрителя из состава отставных унтер-офицеров лейб-гвардии полков. Каждому из них определялось ежегодное денежное содержание в размере 400 руб. Для обеспечения сохранности монумента из государственной казны выделялось 100 руб. в год. Непосредственный контроль за порядком на сооруженном объекте возлагался на директора Московской военной богадельни генерал-лейтенанта Мартынова. Одновременно принимались меры по комплектованию будущего музея письменными источниками и обеспечению их физической сохранности. Особо отмечалась необходимость «хранить за стеклом в домике инвалидов один экземпляр плана Бородинского сражения из Военно-топографического департамента, покрыв план этот лаком для большой прочности. Экземпляр сей от времени до времени переменять по благоусмотрению того, на которого будет лежать обязательство

наблюдать за сохранением памятника в надлежащем виде»^{xi}.

Учитывая историческую значимость Бородинского памятника, было решено отнести его к высшей категории финансового обеспечения. На все остальные памятники боевых сражений времен Отечественной войны 1812 года (Смоленский, Тарутинский и др.) для их сохранности выделялось всего лишь по 300 руб. в год. При решении этого вопроса власти учитывали и финансовые мотивы: «Содержание (памятников. — М. П.) в губерниях от столиц отдаленных сопряжено меньшими издержками»^{xii}.

Вся информация аналогичного содержания в особом предписании Александровского комитета о раненых от 1 мая 1839 г. доводилась до сведения директора Московской военной богадельни^{xiii}.

В новом предписании Александровского комитета о раненых в Московскую военную богадельню от 24 мая 1839 г. содержался развернутый план организационных мер по реализации императорского решения. Была разработана процедура передачи главного монумента на Бородинском поле от его временного заведующего действительного статского советника Деменкова в распоряжение директора этой богадельни. Особенно подчеркивалась необходимость составления описи имущества и особого акта передачи памятника.

Первыми надзирателями Бородинского памятника были назначены унтер-офицеры лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков Владимир Панов и Иван Никифоров. Определялся порядок контроля за их деятельностью и механизм финансирования всех видов работ по сохранению сооруженных исторических объектов (ассигнование шло строго через почту с предварительным уведомлением адресата, смотрители получали жалованье только «по третям года вперед» и т. п.)^{xiv}

В конце июня 1839 г. в сторожке для смотрителей главного монумента появился один из первых экспонатов — план Бородинского сражения. Видимо, в это время здесь поместили для хранения молоток и лопатку, которые использовал наследник престола Александр Николаевич при закладке главного монумента. По этому поводу в описи имущества Бородинского памятника, составленной в марте 1864 г., отмечалось: «Опись вещей, находящихся в домике... молоток и лопатка с надписью: "1837-го года июля 22-го дня, коими его императорское высочество наследник Александр Николаевич изволил в бытность в селе Бородине собственноручно положить камень на фундаменте памятника Бородинского"»^{xv}.

В январе 1842 г. был проведен ряд новых организационных и финансовых мер по улучшению эффективности управления и обеспечения сохранности Бородинского памятника. В соответствии с решениями Александровского комитета о раненых смотрители при нем стали непосредственно подчиняться начальнику Можайской инвалидной команды. Деятельность последнего контролировалась директором Московской военной богадельни. На «дорожные» расходы ему ежегодно выделялось 40 руб. серебром^{xvi}.

18 апреля 1842 г. Николай I утвердил доклад Александровского комитета о раненых о дифференцированном финансировании исторических памятников Отечественной войны 1812 года и о их разделении на три разряда. К высшей категории, учитывая историческую значимость, был отнесен Бородинский монумент, ко второй — Смоленский, а к третьей — все остальные. В пять раз (со 100 до 500 руб.) увеличивались ежегодные ассигнования из государственного бюджета на ремонтные работы главного монумента. Деньги строго перечислялись по требованию Александровского комитета о раненых в его адрес^{xvii}.

Первый капитальный ремонт Бородинского памятника был произведен в 1855 г. Причем подготовка к нему сопровождалась длительной бюрократической перепиской между заинтересованными ведомствами. В организации ремонтных работ участвовали Александровский комитет о раненых, Департамент военных поселений, Измайловская военная богадельня, начальник Можайской инвалидной команды. Инициативу в этом деле проявил начальник Можайской инвалидной команды, который в 1853 г. Сообщил директору Измайловской военной богадельни «о разных неисправностях, оказавшихся как в самом памятнике, так и в домике для инвалидов». По решению Александровского комитета о раненых сметные расходы были подготовлены во 2-м Округе корпуса инженеров военных поселений. Сметная стоимость составила сумму в размере 1761 руб.

17 коп. Однако эта сумма вызвала возражение членов Александровского комитета о раненых. Информирова о своем решении директора Измайловской военной богадельни, комитет высказал особое мнение, заметив, что «признавая издержку этого рода слишком значительной, счел за лучшее ограничить предстоящий ремонт Бородинского памятника только самыми необходимыми статьями и, кроме того, изыскать меры к выгоднейшему для казны приобретению материалов и ценам за работы». Только твердая позиция директора Измайловской военной богадельни позволила отстоять ранее запланированные сметные расходы (они были снижены только на 261 руб.) и провести соответствующий ремонт. Подрядные работы на ремонт монумента осуществлял московский купец 1-й гильдии Челноков, который «изъявил желание произвести исправление памятника по означенной смете и сверх того другая работы, не вошедшие в смету, за 1400 руб.»^{xviii}

В 1862 г. вновь возник вопрос о проведении капитального ремонта главного монумента на Бородинском поле. 4 сентября 1862 г. начальник 2-й Можайской инженерной дистанции сообщил директору Измайловской военной богадельни «о неисправностях, оказавшихся по осмотру его, в Бородинском памятнике и домике, которые необходимо исправить». В целях упорядочивания надзора за физическим состоянием Бородинского памятника 14 сентября 1862г. особым предписанием директора Измайловской военной богадельни начальник Можайской инвалидной команды обязывался «ежегодно доносить в первых числах апреля месяца о всех неисправностях» в главном монументе и в сторожке для смотрителей. В соответствии с указанным предписанием 22 апреля 1863 г. начальник Можайской инвалидной команды подтвердил имевшуюся в Измайловской военной богадельне информацию о необходимости проведения ремонтных работ Бородинского памятника^{xix}. Капитальный ремонт был осуществлен осенью 1863 г., когда исторические памятники на Бородинском поле были переданы в распоряжение московского гражданского губернатора. Начинался новый этап в истории Бородинского музея.

Итак, к середине XIX в. сформировались основы будущего мемориального комплекса на Бородинском поле, посвященного Отечественной войне 1812 года. Были заложены основные принципы финансирования и обслуживания Бородинского памятника.

Приложение

Документ № 1

1837 г. окт. 18 — Купчая на продажу имения в селе Бородино Можайского уезда помещицы Е. Ф. Воейковой наследнику престола цесаревичу Александру Николаевичу.

Лета 1837 октября в 18 день. Из дворян чиновника 9-го класса жена Елизавета Федорова дочь Воейкова продала его императорскому высочеству государю наследнику цесаревичу великому князю Александру Николаевичу и наследникам всходственность имянного высочайшего указа, данного Департаменту уделов в 26 день августа сего года, крепостное свое свободное от всякого залога и запрещения недвижимое имение, доставшее мне по купчей 1830 года мая в 30 день от статской советницы Александры Васильевой дочери Бегичевой, состоящее Московской губернии Можайского уезда в селе Бородине 52, деревнях Горках 23 и Семеновской 35. Итого написанных по нынешней 8 ревизии за мною в оных селениях дворовых людей и крестьян мужеска пола 110 душ. За исключением из сего количества оставленных мною за собою дворовых людей и без земли крестьян без раздробления семейств, а именно: из села Бородино дворовых людей Петра Федорова, холостого, Родиона Александрова с женою Дарьею с детьми их сыном Сергеем, холостым, и дочерьми девками Елизаветою и Пелагею, из деревни Горок, находящегося в бегах, крестьянина Захара Михайлова с женою его Авдотьей и из деревни Семеновской крестьянских малолетних сирот Дмитрея, Тимофея и Михаила Прокофьевых. Итого исключается 7 душ, за которых подушные деньги, всякие государственные повинности и рекрутские обязанности платить и очищать мне, продавицею Воейковой. Для чего перевести и перечислить мне оных выговоренных людей и крестьян за себя в указанный срок в населенное имение мое, состоящее Калужской губернии и уезда в село Висляево. А за сим исключением действительно в продажу сим поступает дворовых людей и крестьян в помянутых в селе Бородине 49, деревнях Горках 22 и Семеновской 32. А всего ревизских мужеска пола 103 души с их женами, вдовыми, девками и рожденными после 8 ревизии обоого пола детьми и со всеми их семействами. И в том ревизском количестве с умершими,

отданными в рекруты и с беглыми, если таковыя окажутся, обоего пола душами и с пожилыми и заработанными за них деньгами. И за все то исками, с господским и их крестьянским в тех селениях всякого рода строением и заведениями, со скотом крупным и мелким, с лошадьми и со птицами и со всем их крестьянским имуществом, с хлебом наличным и в земле посеянным, с усадебною, пашенною и непашенною землею, с лесами, с санными покосами и со всеми вообще угодьями как в прописанных селениях, так равно и в отхожей пустоши, доставшейся мне по той же купчей от госпожи Бегичевой и состоящей в том же Можайском уезде, именуемой Каменке, кроме отданной мною, Воейковою, в дар генерал-майорше Тучковой от означенных селений одной десятины земли, на которую имеет быть выдан от меня ей, госпоже Тучковой, надлежащей акт, а за тем ныне находится в действительном моем владении и в продажу сего поступает при означенных селениях и в помянутой пустоше Каменке земли с угодьями всего мерою 744 десятины 140 квадратных сажень. Словом, не оставляю я, Воейкова, за собою во владении в показанных селениях из людей и крестьян обоего пола, кроме выговоренных в сей купчей по именам, ни единой души и земли и всяких угодий как в тех селениях, так и в поименованной пустоше Каменке, кроме отданной мною в дар госпоже Тучковой одной десятины, как объяснено в сей купчей, ни единый сажени. И что мне в оных селениях и пустоше по вышеписанной купчей от госпожи Бегичевой досталось и сверх вышеписанной меры явится по дачам, планам, крепостям, писцовым, межевым и отказным книгам и по генеральному земель межеванию, то все отдается без остатка; рекрутских же долговых долей на оное имение не имеется. А взяла я, Воейкова, за оное свое недвижимое имение с людьми и со крестьяны и со всем означенным денег государственными ассигнациями 150 тысяч рублей, с которой суммы пошлины и за бумагу иметь платить Московская удельная контора. А напред сей купчей оное мое недвижимое имение со всем означенным от меня никому не продано, не заложено, ни у кого ни в каких крепостях не укреплено, не за что не отписано и в споре ни с кем не состоит. А буде кто в оное имение по каким крепостям или по чему ни есть станет вступаться, то мне, продавице, и наследникам моим, от тех вступщиков и от всяких крепостей очищать по указам и убытков в том никаких не доставить. А о написании в сей купчей договорной цены без утайки продавице Свода законов тома 5 Устава о пошлинах статья 348 при сем объявлена. К сей купчей из дворян чиновника 9 класса жена Елизавета Федорова дочь Воейкова, что я вышеозначенное крепостное свое недвижимое имение с людьми, со крестьянами и со всем означенным, кроме выговоренных в сей купчей людей и крестьян по именам и одной десятины земли, как значится в сей купчей, продала и деньги государственными ассигнациями 150 тысяч рублей взяла и руку приложила. Свидетелями подписались: тайные советники сенаторы и кавалеры Матвей Петров сын Штен, Александр Александрович Башилов, Семен Николаев сын Озеров, Федор Владимиров сын Миллеров, Степан Петров Лихарев, надворный советник Василий Иванов сын Буш, коллежский советник и кавалер Григорий Дмитриев сын Трофилов, надворный советник Петр Иванов сын Чередов. Купчую писал Московской палаты гражданского суда 2-й крепостной экспедиции писец Тарарыкин. По резолюции сего департамента палаты совершил по указам секретарь Набоков 1837 году октября в 18 день. Сия купчая Московской палаты гражданского суда 2-й крепостной экспедиции писана и в книгу записана. Пошлин 6000 рублей, с актов 10 рублей, на перепечатание в сенатских прибавлениях с полупроцентами 10 рублей 5 копеек, весовых 6 рублей 40 копеек, а всего 6026 рублей 45 копеек и на производство гербовой бумаги рублевого достоинства 8 листов принял казначей Яковлев, совершил надсмотрщик Арсеньев.

ЦИАМ. Ф. 99. Оп. 7. № 388. Л. 3-5.

Документ № 2

1839 г. апр. 1 — Из отношения Военного министерства в Александровский комитет о раненых об организационных и финансовых мерах по обеспечению сохранности Бородинского памятника.

По высочайшему докладу государю императору отзыва г. министра финансов о совершенном окончании памятника, сооруженного на месте достославной Бородинской битвы и построенного при оном домика для жительства инвалидов, Его Величество высочайше повелеть изволил:

1. Означенной памятник с состоящим при нем инвалидным домиком передать в ведение Комитета высочайше учрежденного в 18 день августа 1814 года*.

2. Для надзора за порядком и чистотою при Бородинском памятнике назначить двух инвалидов.

3. Каждому из них производить в год по 400 рублей взамен отпуска провианта, одежды, отопления и содержания дома натурою. И сверх того отпускать для содержания монумента в чистоте 100 рублей, всего 900 рублей.

4. Непосредственно наблюдение за сохранением памятника в надлежащем виде возложить на директора Московской военной богадельни генерал-лейтенанта Мартынова.

5. Хранить за стеклом в домике инвалидов один экземпляр плана Бородинского сражения из Военно-топографического департамента, покрыв план этот лаком для большой прочности. Экземпляр сей от времени до времени переменять по благоусмотрению того, на которого будет лежать обязательство наблюдать за сохранением памятника в надлежащем виде.

6. Другие памятники сражения Отечественной войны передать равномерно по содержанию оных в ведение Комитета учрежденного в 18 день августа 1814 года. Назначить также к оным монументам по два инвалида с производством каждому по 300 рублей в год, так как содержание в губерниях от столиц отдаленных сопряжено меньшими издержками.

ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 181. № 1. Л. 43-44.

Документ № 3

1842 г. апр. 18 — Из предписания Военного министерства в Александровский комитет о раненых об упорядочении системы финансирования Бородинского памятника.

Государь император по всеподданейшему докладу Комитета № 20 высочайше повелеть соизволил:

1. Устроенные по распоряжению Министерства финансов и переданные в ведение Комитета высочайше учрежденного в 18 день августа 1814 года Бородинский и Смоленский памятники, равно и впредь имеющие быть сооруженными памятники войны 1812 года, в отношении ремонтного содержания их, разделить на три разряда, отнеся Бородинский к первому, Смоленский ко второму, а все прочие памятники к третьему разряду.

2. По сему разделению памятников отпускать на ремонтное содержание их ежегодно в ведение Комитета 18 августа 1814 г. из государственного казначейства для Бородинского по 500, Смоленского по 400, а для прочих памятников по 300 рублей серебром.

3. Отпуск этих сумм производить по требованию Комитета 18 августа 1814 года для Бородинского памятника с нынешнего года, Смоленского с 1843 года, а для памятников третьего разряда по сооружении каждого через год.

4. Смоленский памятник поручить в заведование тамошнего коменданта с тем, чтобы присмотр и наблюдение за чистотою памятника возложены были на обязанность Смоленского гарнизонного батальона и чтобы комендант обо всем, касающемся до этого памятника, относился к директору Московской военной богадельни для представления от него Комитету.

5. Находящихся при Бородинском памятнике для присмотра за ним двух отставных инвалидов подчинить ведению ближайшего начальства Можайской инвалидной команды с тем, дабы оно обо всем по предмету этому доносило директору Московской военной богадельни.

6. На сем основании все прочие памятники войны 1812 года, какие впредь будут сооружены и переданы в ведение Комитета, поручить ближайшему надзору командиров местных гарнизонных батальонов или начальников инвалидных команд.

ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 181. № 1. Л. 23-24.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Селедкина С. Н. Изготовление и открытие Бородинского памятника по документам Российского государственного исторического архива // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино. 1997; Болдина Е. Г. Из истории Бородинских торжеств 1839 г. (по документам Центрального исторического архива Москвы) // Там же; Анисимов П. С., Горбунов А. В. Императорский дворцово-парковый ансамбль в селе Бородино (историческая

-
- справка) // Бородинское поле: История. Культура. Экология. Можайск, 2000. Вып.2; *Мальшикин С. А.* Из истории музеефикации Бородинского поля, 1839-1911 гг.: Главный монумент // Там же; и др.
- ⁱⁱ ЦИАМ. Ф. 99. Оп. 7. № 388. Л. 3-5.
- ⁱⁱⁱ *Горбунов А. В.* Бородинское поле — уникальная историческая территория // Бородинское поле: История. Культура. Экология. М., 1995. С. 13-14; *Анисимов П. С., Горбунов А. В.* Указ. соч. С. 152-153.
- ^{iv} ЦИАМ. Ф. 99. Оп. 7. № 388.
- ^v Там же. Л. 3-5.
- ^{vi} Там же. Л. 1.
- ^{vii} Там же. Л. 2.
- ^{viii} Там же. Л. 8-9.
- ^{ix} *Селедкина С. Н.* Указ. соч. С. 100-108; *Болдина Е. Г.* Указ. соч. С. 183-196; *Горбунов А. В.* Бородинское поле как объект культурного наследия, 1839—1999 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. Бородино, 2000. С. 45.
- ^x ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 181. № 1.
- ^{xi} Там же. Л. 43.
- ^{xii} Там же. Л. 44.
- ^{xiii} Там же. Л. 13.
- ^{xiv} Там же. Л. 14.
- ^{xv} Там же. Л. 14-15, 54.
- ^{xvi} Там же. Л. 18.
- ^{xvii} Там же. Л. 23-24.
- ^{xviii} Там же. Л. 37—38; *Мальшикин С. А.* Указ. соч. С. 169.
- ^{xix} ЦИАМ. Ф. 54. Оп. 181. № 1. Л. 39.